

САД
ТВОЕЙ
ЛЖИ
ЛИЗ
НЬЮДЖЕНТ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44
Н92

Liz Nugent
LYING IN WAIT

Copyright © 2016 by Liz Nugent
This edition is published by arrangement with Marianne Gunn O'Connor
Literary, Film & TV Agency and The Van Lear Agency LLC

Ньюджент, Лиз.
Н92 Сад твоей лжи / Лиз Ньюджент ; [перевод с английского Т. А. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Ток. Главный детектив года).

ISBN 978-5-04-232210-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Лидия

Мой муж не хотел убивать Энни Дойл, но лживая оборванка заслужила. Моя роль состояла в том, чтобы быть идеальной домохозяйкой, женой и матерью. И я никому не позволю разрушить мою семью. Даже если для этого придется убить мерзкую девчонку и закопать ее в саду.

Карен

В последний раз я видела мою сестру Энни в ее съемной квартире в четверг. Она была чем-то взволнована и хотела наладить свою жизнь. Но потом она пропала. Полиция не особо рвалась расследовать исчезновение девушки с сомнительной репутацией, только я не собиралась сдаваться. Я найду Энни. Живой или мертвой.

Лоуренс

В пятницу я впервые остался у своей девушки. Именно у нее дома я провел вечер, когда мой отец убил Энни Дойл. Утром я сразу понял, что что-то не так. Отец был странно взвинченным и нервным. А вскоре к нам пришла полиция. Я стал одержим Энни и ее историей. Тогда я даже представить не мог, что ее смерть не только навсегда изменит нашу семью, но и приведет к ужасающим последствиям в будущем.

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-232210-5

© Масленникова Т. А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Для Ричарда,
со всей любовью*

ЧАСТЬ I 1980

1

Лидия

Мой муж не хотел убивать Энни Дойл, но лживая оборванка заслужила. Когда мы оправились от первого шока, я постаралась убедить его больше не говорить о ней. Запретила любые упоминания до тех пор, пока мы не подтвердим свои алиби и не скроем возможные улики. Все это его ужасно расстроило, и я решила, что надо продолжать жить как ни в чем не бывало. И хотя мы не говорили об этом, я не переставая прокручивала в голове события той ночи, каждый раз мечтая изменить какой-нибудь один элемент, одну деталь; но факты есть факты, и надо с ними мириться.

Это произошло 14 ноября 1980 года. Мы обо всем условились заранее. Не об убийстве, а о встрече, во время которой мы сможем проверить ее и в случае проблем затребовать свои деньги назад. Я минут двадцать гуляла по берегу, высматривая, не попадется ли мне кто-то из людей, но беспокоиться было не о чем.

В эту особенно промозглую ночь пляж был пуст. Удостоверившись, что я одна, я села на скамейку и стала ждать. Суровый ветер гнал за собой волны, и я плотнее укуталась в кашемировое пальто и приподняла воротник. Вскоре подъехал Эндрю и припарковался неподалеку от моего наблюдательного пункта согласно моим инструкциям. Я следила за ними примерно с тридцати ярдов¹. Я велела ему побеседовать с ней. Но и сама хотела на нее поглядеть, чтобы оценить ее пригодность. Они должны были выйти из машины и пройти мимо меня. Но этого не произошло. Прождав десять минут, я поднялась и пошла к машине проверить, что происходит. Подойдя поближе, я услышала громкие голоса. А потом увидела, что они дерутся. Пассажирская дверь распахнулась, и Энни попыталась вырваться. Но он втащил ее обратно внутрь. Я увидела его руки, сомкнутые на ее горле. Я смотрела, как она сопротивляется, и на секунду погрузилась в подобие транса, усомнившись, не плод ли это моего воображения. Но быстро пришла в себя, поборола растерянность и побежала к машине.

— Хватит! Эндрю! Что ты делаешь?!

Мой голос звенел в моих собственных ушах, а глаза Энни в ужасе и шоке метнулись ко мне, прежде чем закатиться.

Он сразу же ее отпустил, и она с булькающими хрипами откинулась назад. Энни была почти мертва, но не до конца, так что я схватила здоровый противогонный замок, валявшийся у ее ног, и ударила по че-

---

¹ 1 ярд = 0,91 м.

репу — всего один раз. Полилась кровь, Энни слегка дернулась, а потом — тишина.

Не знаю, почему я это сделала. Инстинкт?

Она выглядела младше своих двадцати двух. Я разглядела ее за вульгарным макияжем и крашеными, почти иссиня-черными волосами. От деформированной верхней губы к ложбинке под носом шел неровный белый шрам. Я удивилась, что Эндрю никогда о нем не упоминал. Во время борьбы с одного ее плеча слезла куртка, и я заметила кровавые болячки на сгибе локтя. На лице девушки осталось саркастичное выражение: ухмылка, которую не смогла стереть смерть. Мне нравится думать, что я сделала этой девочке одолжение, как будто освободила раненую птицу от страданий. Но она не заслуживала такой доброты.

Эндрю всегда был вспыльчивым — взрывался из-за мелких, незначительных вещей, а потом почти сразу чувствовал раскаяние и успокаивался. Но в этот раз он впал в настоящую истерику: его вой и крики мертвого могли разбудить.

— Ох, господи! Ох, боже мой! — продолжал повторять он, как будто Иисус Христос мог что-то изменить. — Что мы наделали?

— Мы? — возмущенно переспросила я. — Ты сам ее убил!

— Она смеялась надо мной! Ты была права по поводу нее. Она сказала, что я просто чурбан, и угрожала пойти в прессу. Она собиралась меня шантажировать. Я вышел из себя. Но ты... Ты завершила дело, а с ней все еще могло быть в порядке.

— Даже не... Не смей такого говорить! Идиот, кретин!

На его лице изобразилось жалкое страдальческое выражение. Во мне проснулось сочувствие. Я сказала ему взять себя в руки. Надо было вернуться домой до Лоуренса. Я велела Эндрю помочь мне затащить труп в багажник. Он сквозь слезы выполнил мои указания. Я взбесилась, увидев внутри клюшки для гольфа, которыми уже год никто не пользовался; они занимали бóльшую часть пространства, но, к счастью, тело было ожидаемо стройное, легкое и по-прежнему гибкое, так что мы смогли запихнуть ее внутрь.

— Что мы будем с ней делать?

— Не знаю. Надо успокоиться. Решим все завтра. А сейчас надо ехать домой. Что ты о ней знаешь? У нее есть семья? Кто-нибудь будет ее искать?

— Я не знаю... Она... Она вроде как упоминала сестру?

— Прямо сейчас никто не знает, что она мертва. Никто не знает, что она пропала. Нужно, чтобы так все и оставалось.

Когда в четверть первого ночи мы вернулись домой в Авалон, по теням в окне я поняла, что в комнате Лоуренса горит прикроватная лампа. Мне правда хотелось успеть домой до его возвращения, послушать, как прошел его вечер. Я сказала Эндрю налить нам бренди и пошла проведать сына. Он раскинулся на кровати и не пошевелился, когда я взъерошила ему волосы и поцеловала в лоб. «*Спокойной ночи, Лоуренс*», — прошептала я, но он крепко спал. Я выключила лампу,

закрывает дверь его спальни и пошла в ванную за валиу-мом, прежде чем спуститься вниз. Нужно было сохранять спокойствие.

Эндрю дрожал с головы до ног.

— Господи боже, Лидия, у нас ужасные проблемы. Может, позвонить в полицию?

Я наполнила его бокал и долила себе остатки из бутылки. Он был в шоке.

— И навсегда сломать Лоуренсу жизнь? Завтра новый день. Потом мы со всем разберемся, но, что бы ни случилось, мы должны прежде всего думать о Лоуренсе. Он не должен ничего знать.

— О Лоуренсе? При чем тут он? Что насчет Энни? О господи, мы убили ее, своими руками! Нас посадят в тюрьму!

Я не собиралась в тюрьму. Кто тогда позаботится о Лоуренсе? Я похлопала Эндрю по руке, стараясь успокоить.

— Мы все решим завтра. Никто нас не видел. Никто не сможет связать нас с девчонкой. Она бы постыдилась кому-то рассказывать, что собирается сделать. Нам просто нужно решить, куда деть тело.

— Ты уверена, что никто нас не видел?

— На берегу не было ни души. Я специально прошлась, чтобы удостовериться. Иди в постель, милый. Завтра все наладится.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую. Я выдержала его взгляд.

— Это не я ее задушила.

По его щекам потекли слезы.

— Но, может, если бы ты ее не ударила...

— То что? Она бы умерла медленнее? Или получила поражение мозга на всю жизнь?

— Мы могли бы сказать, что так ее и нашли!

— То есть *ты* сейчас хочешь поехать обратно, выбросить ее, позвонить в скорую из телефонной будки, а потом объяснить, что ты делал на набережной в первом часу ночи?

Эндрю посмотрел на дно стакана.

— Но что нам делать?

— Иди спать.

Пока мы спускались по лестнице, я услышала шум стиральной машинки. Я удивилась: с чего это Лоуренс решил устроить стирку в пятницу вечером? Это было совсем на него не похоже. Но это напомнило мне, что наши с Эндрю вещи тоже неплохо бы постирать. Мы оба разделись, и я отложила стопку вещей на утро. Почистила нашу обувь от песка и подмела полы, где мы ходили. Песок из совка я вытряхнула в сад, на выступающий участок травы под кухонными окнами. На секунду мой взгляд остановился на куске земли. Я всегда хотела разбить здесь клумбу.

Когда чуть позже я скользнула в постель, то приобняла дрожащую фигуру Эндрю, он повернулся ко мне, и мы занялись любовью, прижимаясь и впиваясь друг в друга, как двое выживших после чудовищной катастрофы.

Вплоть до прошлого года Эндрю был очень хорошим мужем. Наш брак оставался крепким на протяжении двадцати одного года. В свое время он очень впечатлил моего папу. На смертном одре папа при-

знался, что с легким сердцем оставляет меня в таких хороших руках. Эндрю был его стажером в «Хайленд энд Голдблатт». Папа взял Эндрю под крыло и сделал его своим протеже. Однажды, когда мне было двадцать шесть, папа позвонил домой и сообщил, что к нам на ужин придет особый гость и мне стоит приготовить что-нибудь вкусненькое и сделать прическу. *«Никакой помады»*, — сказал он тогда. У папы был пунтик на макияж. *«Не выношу этих разукрашенных лахудр!»* — говорил он об американских кинозвездах. Папины взгляды бывали очень радикальны. *«Ты моя прекрасная дочь. Не стоит покрывать позолотой лилию»*.

Мне стало любопытно, что это за гость, ради которого мне надо приодеться. Конечно, стоило догадаться, что папа запланировал нас свести. Но ему не пришлось особо утруждаться. Эндрю вспылал ко мне с первого взгляда. И приложил все усилия, чтобы очаровать. Он говорил, что готов ради меня на все. *«Я не могу отвести от тебя глаз»*, — говорил он. И действительно, его взгляд следовал за мной повсюду. Он постоянно называл меня своей наградой, своим бесценным сокровищем. Я тоже его полюбила. Папа всегда знал, что для меня лучше всего.

Период ухаживаний был короткий и очень милый. Эндрю был из хорошей семьи. Его покойный отец раньше вел педиатрическую практику, а мать, хоть и показалась мне немного своеобразной, ничего не имела против наших отношений. В конце концов, в случае женитьбы Эндрю достался бы Авалон — георгианский особняк с шестью спальнями на акре¹ собственной

---

¹ 1 акр = 4047 м².